

Улица в лунном свете

Перевод Исая Мандельштама

Файл с книжной полки Несененко Алексея: <http://www.nesenenko.narod.ru/index.html>

Пароход, задержанный бурей, только поздно вечером бросил якорь в маленькой французской гавани; ночной поезд в Германию уже ушел. Предстояло, таким образом, провести лишний день в незнакомом месте, а вечер не сулил никаких развлечений, кроме унылой музыки дамского оркестра в каком-нибудь увеселительном заведении или скучной беседы с совершенно случайными спутниками. Невыносимым показался мне чадный, сизый от дыма воздух в маленьком ресторане гостиницы, тем более что на губах у меня еще соленым холодком отдавалось чистое дыхание моря. Я пошел поэтому наудачу, по широкой светлой улице, в сторону площади, где играл оркестр гражданской гвардии, а оттуда - еще дальше, среди неторопливого потока гуляющих. Сначала мне было приятно так безвольно покачиваться в волнах равнодушной, по провинциальному разодетой толпы, но все же мне вскоре стала несносна эта близость чужих людей, их отрывистый смех, глаза, которые останавливались на мне с удивлением, отчужденностью или усмешкой, прикосновения, незаметно толкавшие меня вперед, свет, льющийся из тысячи источников, и непрерывное шарканье шагов. Морскому плаванию сопутствовало непрерывное движение, и в крови у меня еще бродило сладостное чувство дурмана; все еще под ногами ощущались качка и зыбь, земля словно дышала и приподнималась, а улица как бы уходила в небо. Голова у меня вдруг закружилась, и, чтобы укрыться от шума, я свернул в переулок, не поглядев, как он называется, оттуда - в другой, поуже, где постепенно стал замирать нестройный гомон, и пустился затем бесцельно блуждать по лабиринту разветвленных, точно жилы, улочек, все более темных по мере того, как я удалялся от главной площади. Большие дуговые фонари, эти луны центральных улиц, здесь не горели, и благодаря скудному освещению я, наконец, снова увидел звезды и черное облачное небо.

Я находился, по-видимому, недалеко от гавани, в матросском квартале, - это чувствовалось по острому запаху рыбы, по тому сладковатому гнилостному запаху, какой сохраняют водоросли, даже выброшенные прибоем на берег, по тому присущему затхлым помещениям чаду, которым пропитаны такие закоулки, пока сильная буря не опахнет их своим дыханием. Мне были по душе полумрак и неожиданное одиночество, я замедлил шаги, осматривая одну улицу за другой, - и ни одна из них не была похожа на свою соседку; одни были миролюбивы, другие - разгульны, но все погружены во тьму и полны глухим шумом голосов и музыки, так таинственно льющихся из-под темных сводов, что почти нельзя было угадать его скрытого источника, ибо все дома были заперты и только мигали красным или желтым огоньком.

Я люблю эти улицы в чужих городах, этот грязный рынок всех страстей, тайное нагромождение всех соблазнов для моряков, которые, после одиноких ночей в чужих и опасных морях, заходят сюда на одну ночь, чтобы в течение часа осуществить свои долгие томительные сны. Они должны прятаться где-нибудь в нижней части большого города, эти узенькие переулки, ибо они нагло и назойливо говорят о том, что за сотнями личин скрывают светлые дома с зеркальными окнами и добропорядочными обитателями. Музыка призывно звучит здесь в тесных зальцах, кинематографы своими кричащими афишами обещают неслыханное великолепие, четырехгранные фонарики, приютившись под воротами, подмигивают приветливо и недвусмысленно, сквозь приоткрытые двери мелькает обнаженное тело под позолоченной мишурой. Из кабаков доносятся пьяные голоса и крики ссорящихся игроков. Матросы ухмыляются, когда встречают друг друга, их глаза горят от предвкушения, ибо здесь есть все вино и женщины, зрелища и азарт, самые низкие и самые возвышенные приключения. Но все это робко и все же предательски-явно притаилось за лицемерно опущенными ставнями, все скрыто от взоров, и эта кажущаяся замкнутость волнует двойным соблазном тайны и доступности. Улицы эти - одни и те же и в Гамбурге, и в Коломбо, и в Гаванне, они похожи друг на друга, как схожи между собой роскошные проспекты больших городов, потому что верхи и низы жизни повсюду имеют то же внешнее обличие. Последние причудливые остатки хаотически-чувственного мира, где инстинкты еще действуют грубо и необузданно, темные дебри страстей, кишачие похотливым зверьем, - таковы эти отверженные улицы, волнующие тем, что в них мерещится, и прельщающие тем, что в них скрыто. О них можно грезить.

Такою была и эта улица, у которой я вдруг очутился в плену. Наудачу пошел я следом за двумя

А